

УДК 81'28

ФОРМУЛЫ УДАЛЕНИЯ В ОБРЯДОВОЙ И БЫТОВОЙ РЕЧИ ПРИКАМЬЯ¹

Екатерина Николаевна Свалова

аспирант кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. svalova87@mail.ru

В статье на пермском языковом материале исследуется специфика отгонных формул в обрядовом применении (свадебный, похоронный, знахарский обряды) и бытовых паремий, связанных с выпроваживанием и посылками-бранью. В контексте народного символизма исследуются структура и образные основания жанра речевых отсыланий, их связь с мифологической традицией. Особое внимание обращено на характеристику локусов, осмысляемых в народной традиции как сакральные. Делаются выводы об особенностях использования и функциях исследованных отгонных формул в бытовом речевом акте и в ритуале.

Ключевые слова: русский народный обрядовый этикет; семантика диалектных обрядовых паремий; бытовые пожелания; формулы ритуального отправления и выпроваживания.

В бытовом общении и в различных обрядовых ситуациях в диалектной среде используются устойчивые выражения, семантика которых определяется императивом – требованием удалиться (убраться, уйти), дополненным «адресным» указанием. По жанру такие выражения являются директивами – приказами (иногда с оттенком угрозы), реже просьбами. Е.Е. Левкиевская выделяет среди высказываний-директивов просьбу, как более сильный вариант «мольбу», приказ, запрет как разновидность приказа и заклинание [Левкиевская 2002: 207]. В повседневном общении используются прежде всего бранные выражения, выражающие спонтанную речевую реакцию на неприятную ситуацию. Таковы, например, слова выпроваживания надоевшего гостя: *Иди по холодочку (Ты сядне вышил, вот и не лезь. Иди по холодочку отсюда – д. Пож, Юрлинский р-н); Дохлёбывай и у. бывай! (Они и сидят, и сидят, я уже спать хочу, никаких мне гостей не надо. Встала, руки в боки, говорю: «Всё, пора и честь знать, дохлёбывайте и у. бывайте» – г. Чернушка)*. Первое пожелание содержит шутливо-иронический совет не в меру разгорячившемуся гостю не просто уйти, а «остыть», второе же представляет собой грубое обценное отсылание (смягченное рифмой).

Значительное число выражений с отгонной семантикой фиксируется в обрядах. Так, формула отправления *Добрые люди, ближние люди, попили-поели, а теперь пора гостям к лешему* (д. Пож, Юрлинский р-н) используется при завершении свадебного пира. Посыл в демониче-

ский локус (*к лешему*) здесь выступает не как грубое эмоциональное выпроваживание, а как ритуальная брань, активно используемая в народной традиции в качестве оберега. Об особой функциональной сакрально-магической нагрузке выражения свидетельствует, в частности, помещение его в ритмически и структурно оформленный контекст: *Добрые люди, ближние люди, попили-поели, а теперь пора гостям к лешему; добрые люди, дальние люди, разъезжайтесь, ближние люди, расходитесь* (д. Пож, Юрлинский р-н). Заметим, что нередко и в бытовых, и в обрядовых ситуациях используются одни и те же формулы удаления. Выражение *Убирайтесь в дыру* также используется для выпроваживания гостей в конце свадебных гуляний: *Угостили в последний день, ухват выносят – конец, мол, гости, убирайтесь в дыру* (г. Усолье). Намеренно огрубленное выпроваживание строится на использовании прозрачного эвфемизма (*дыра* – перенос обозначения сквозного отверстия на детородный орган, ср. в загадке о печи *Стоит баба на полу, расшеперила дыру* или бранное пермское *Каку дыру надо?*). Как показывает контекст, высказывание сопровождается символическим действием – «угощением» ухватом, который в обрядовом контексте зачастую также реализует апотропейную функцию (см. об ухвате и другой печной утвари [Баранов 2005]).

В похоронно-поминальной обрядности словесные формулы удаления используются как обереги от покойного. В момент последнего прощания с умершим на кладбище произносят

слова, которые обеспечивают невозможность встречи живого человека с умершим: *«Дорога с дорогой не сходятся, расстань с расстанью расходятся, и мы с тобой разошлись. Тебе эта дорога, мне другая. Аминь. Аминь. Аминь». И всё, он как отойдёт от тебя* (зап. от Корпенко А.С., 1927 г. р., д. Лызиб, Соликамский р-н). Невозможность контакта становится еще более очевидной за счет соотнесения живого и мертвого как двух расходящихся перекрестков дорог (в связи с восприятием перекрестка как прерывания, «перечеркивания» пути).

Активно отгонная семантика формул отправления реализуется в заговорах. В такого рода посылах обозначается конечный пункт перемещения, который, как правило, является принадлежностью другого (нечеловеческого) мира. В заговорах от болезней атрибутами потустороннего пространства, а точнее границами, разделяющими два мира, могут быть *горы высокие, леса дремучие, пески сыпучие, болота зыбучие*. Например, в заговоре от полунощницы: *Полунощница, полунощница, приди ко мне, унеси мою бессонницу, за горы высокие, за леса дремучие, за пески сыпучие, за болота зыбучие...* (зап. от Матвеевой Н.Д., 1935 г. р., с. Таман, Усольский р-н). В заговоре от рака – *Как рак пьется, так и ты, рак, иди с тела белого, с раба божьего. Иди туда, где зимой пахнут, летом снег гребут, где мертвые спят, там тебя, рак, ждут, слово мое лепко и крепко, аминь* (с. Юм, Юрлинский р-н) – рисуется несуществующее пространство (небытие), характеристики которого строятся на сочетании несочетаемого: (где) *зимой пахнут, летом снег гребут*, однако чаще используются указания на определенные локусы. Так, любопытным является отправление бессонницы *под девятое бревёшко: Бессонница-полунощница, иди под девятое бревёшко. Как девятое бревёшко лежит да спит крепко, так и дитё пусть спит и лежит крепко. Аминь, аминь, аминь. Заговор нашептывают на святую воду и после слов умывают ей лицо ребенка. Оставшуюся воду выплескивают под девятое бревно дома* (д. Якимово, Нытвенский р-н). При количестве венцов в севернорусском крестьянском доме от пятнадцати до девятнадцати девятое бревно – это то бревно в срубе, на котором устанавливались окна: оно должно быть особо крепким, не гниющим. В связи с этим образ суковатого девятого бревна в фольклоре устойчиво соотносится с крепостью, силой (ср. в плясовой *Суковатое девятое бревно, дружка милого не видела давно* [Традиционная культура Тверского края 2014: 19]; в архангельских поговорочных выражениях типа *на девятое бревно скачет* – о подвижном, энергичном человеке; *высикивать (усикивать) на девятое бревно* – сильно ругать, бранить кого-л. [Мокиенко, Ни-

китина 2007: электр. ресурс]). Значима здесь и символика числа *девять*, замыкающего счет и одновременно выступающего как знак открывающегося нового, совершающейся бесконечной повторяемости (избывали болезнь девятью банями, брали при гадании для обмазывания лица сажу также с девятого банного бревна).

Особая символика порога в обрядовой традиции, в том числе в знахарском деле, реализуется в заговорах: *Если у ребёнка бессонница, его нужно умыть водой, и говорить: «Чёрному, черёмному, пьяному, поганому семьдесят семь дорог, уроки, идите все под порог»* (зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г. р., д. Городище, Юсьвинский р-н). Порог считается опасным местом, соприкасающимся с «чужим» пространством, поэтому и в бытовом поведении отмечаются запреты на «контакт» с ним (нельзя сидеть на пороге, беседовать на пороге и передавать предметы через порог).

Болезнь в заговорах также зачастую перенаправляется с больного на дерево: *Возьмут веник берёзовый да в бане парят: «Ночная полунощница, дневная полуденница, не тешился, не нежся над рабом Божим (имярек), а тешился-нежся над белой берёзой»* (зап. от Никифоровой А.А., 1927 г. р., д. Пепельши, Суксунский р-н). Типичным для заговоров является указание сразу на несколько мест (обычно на три): *В бане бабушка ребёночка парит и говорит: «Полунощная полунощница, полудённая полудённая, не декуйся над рабом божьим (имярек), декуйся над полком, над каменной, над третьей матицей»* (зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р., д. Разим, Усольский р-н).

Бытовые послы чаще всего связаны с желанием говорящего избавиться от присутствия конкретного человека. Грубое выражение *Понеси тебя леший за пятки* (Сказала ему – понеси тебя леший за пятки, ушёл, не бывал больше – с. Кын, Лысьвенский р-н) содержит, кроме отправления в зону нечистой силы, пожелание физического воздействия. Обозначение *за пятку*, вероятно, акцентирует внимание на быстром исчезновении (как во фразеологизме *только пятки сверкают*). Указание на пятку мотивируется еще и осмыслением пятки как части тела, контактирующей с хтоническим низом и оттого воспринимаемой как особо уязвимая часть тела (отсюда запрет щекотать пятки младенцу, чтобы не стал заикой). Поскольку с пяткой связана идея жизненной силы, неслучайно распространены обозначения черта как не только *беспалого*, но и *беспятого* (имеющего лапы животного или птицы). Пожелание *Счастливым путем, хоть век не будь* (Она, думаешь, делом приходила, нет, только кого бы осудить. Я дверь за ей закрыла, говорю: «Ой да, счастливый путь, хоть век не будь» – д. Молёбка, Кишертский р-н), адресованное неприятному гостю при прощании, строится на контрасте. Уходя-

щий получает формально позитивный совет (*счастливый путь*), но настоящий и будущее его визиты обесцениваются (*хоть век не будь*).

Интенции, связанные с «удалением» неприятного лица, могут реализовываться и в форме проклятий, например *Провались в три земли (Он колдун был, много худого сделал. Пускай в три земли провалится* – п. Сёйва, Гайнский р-н). Это пожелание соотносится с известной в русской речи идиомой *провалиться сквозь землю* ‘исчезнуть’, которая изначально связана с древним представлением об аде, подземном обиталище усопших грешников. Появление числительного мотивировано устойчивым фольклорным выражением *За тридевять земель* ‘очень далеко’ [Самойлова 2005: электр. ресурс]. В проклятии, очевидно, соединяются представления о далеком пространстве и загробном мире.

Отсылание реализуется не только в общении между людьми. Интересный факт своеобразного вербального контакта человека с предметом демонстрирует трехчастная формула, которая произносится при выбрасывании отслужившей вещи: *Пойди на огонь, на угорья, на большую воду (Вот не надо стало хламину, дак под угор ва-лишь, к примеру, обуви старые. Скажешь – пойди на огонь, на угорья, на большую воду* – с. Кын, Лысьвенский р-н). Необходимость «прощания» с вещью связана, очевидно, с представлением о том, что предметы одежды и обуви, контактируя с человеческим телом, могут впитывать не только его запахи, но и его духовную сущность (ср. запреты на вывешивание выстиранной одежды на всеобщее обозрение из-за опасности сглаза, запрет на игры с головными уборами и т. д.). Трехчастное указание *на огонь, на угорья, на большую воду* направлено на полное устранение вещи, а значит и невозможность сохранения в ней следов человека, которому она служила.

Использование словесных формул удаления в коммуникации продиктовано естественным же-

ланием человека оградить себя от всего, что доставляет ему дискомфорт или грозит опасностью. Если в городской речи магическая функция экспрессивных выражений в чистом виде утрачена, то в деревне эта коннотация остается до сих пор значимой. Диалектное общение остается во многом ритуализированным, и в нем по-прежнему сильна магическая функция произнесенного слова, которое является одним из средств воздействия на окружающий мир для обеспечения миропорядка.

Примечание

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-11-59002.

Список литературы

Баранов Д. Образы вещей. (О некоторых принципах семантизации) // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 212–227.

Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interpal.info/index.php/term/1-slovar-russkih-pogovorok,16330-gde-makar-bykov-ne-pas.xhtml> (дата обращения: 17.09.2015).

Самойлова Е.Е. Проклятия как форма конвенционального поведения // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Весенняя школа – 2005: Мифология как система. 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/samoylova3.htm> (дата обращения: 20.09.2015).

Традиционная культура Тверского края: Свадьба: памяти Н.П. Кудряшова (1924–1998): статьи и публикации / ред. М.Л. Логунов, А.А. Петров, Л.Н. Скаковская, Э.Ф. Шафранская; сост. Л.М. Концедайло, М.Л. Логунов, С.В. Моряков, А.А. Петров, Л.Н. Скаковская, Э.Ф. Шафранская. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. 132 с.

FORMULAE OF SEEING OUT IN RITUAL AND EVERYDAY SPEECH OF PRIKAMYE

Ekaterina N. Svalova

Postgraduate of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

In the paper peculiarities of the ritual seeing out formulae (wedding, funeral, voodoo rites), as well as everyday proverbs connected with seeing out and swearing are discussed. The structure and figurative basis of the seeing out speech genre, and its relations with the mythological tradition in the context of folk symbolism are considered. Special attention is paid to locus characteristics, interpreted in folk tradition as sacral. Conclusions about some peculiarities of the usage and functions of the studied formulae in everyday and ritual speech are made.

Key words: Russian folk ritual etiquette; semantics of ritual dialect proverbs; everyday wishes; formulae of the seeing out ritual.